

С. В. Шарапова

САРГАТСКАЯ КУЛЬТУРА: МЕЖДУ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ПРОЯВЛЕНИЕМ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИЕЙ

Резюме. Статья посвящена рассмотрению ключевых проблем в археологии саргатской культуры, особенностью которой исследователи считают ее единство или целостность на протяжении многих столетий. В то же время карта распространения саргатских древностей демонстрирует степень изученности, а не плотность расселения лесостепных коллективов. Памятники на периферии ареала отнесены к саргатским по отдельным признакам, в то время как «ядро» включает разные локально-хронологические группы. Предложенные гипотезы (динамика культуры, очаг культуругенеза, общность и т. п.) также не исчерпывают всех возможных вариантов объяснения, поскольку за рамками остается отсутствие непрерывности, фиксируемое как для горизонтов обитания на поселениях, так и в хроностратиграфии курганов. Новые материалы и их анализ с уже имеющимися коллекциями делают актуальным рассмотрение существующих схемы развития и территориально-хронологических особенностей саргатской культуры.

Ключевые слова: ранний железный век, саргатская культура, погребальный обряд, хроностратиграфия, плоскодонная керамика.

Среди различных культур раннего железного века Зауралья и Западной Сибири по своей территориальной и хронологической масштабности выделяются саргатские древности. Первые раскопки лесостепных памятников региона относятся к концу XIX – началу XX в., тем не менее их научное осмысление произошло значительно позже. Анализ доступных сведений позволил отметить в материальной атрибутике и погребальном обряде параллели среди круга сарматских культур; была высказана гипотеза об ираноязычности или смешанном составе населения (Дмитриев, 1928. С. 188–189; Левашева, 1948. С. 86; Чернецов, 1953. С. 224; Смирнов, 1964. С. 272–274). Благодаря масштабным полевым исследованиям Уральской археологической экспедиции под руководством В. Ф. Генинга и работам в Прииртышье В. А. Могильникова был очерчен ареал

культуры, которая имела разные варианты наименований – абатская, речкинская или типа коконовских курганов и т. п. (подробнее см.: *Могильников, 1970; Мошкова, Генинг, 1972; Корякова, 1982*).

Планомерное изучение саргатских памятников относится ко второй половине 1960-х гг., тогда же окончательно оформился таксон «саргатская культура» (*Корякова, 1982. С. 115*). Для древностей раннего железного века, объединенных близкими природно-климатическими условиями и сходных по культурному облику, предложено понятие саргатской общности (*Корякова, 1991*). Хронология этапов общности базируется в основном на периодизации культуры. Среди исследователей нет единства в определении границ периодов, что и составляло суть большинства дискуссий (например: *Полосьмак, 1987; Могильников, 1992; Корякова, 1994; Матвеева, 2017*). В схеме, выстроенной преимущественно с учетом относительной хронологии, все еще доминирует подход на выявление того, что могло быть раньше, а что позже¹. Увы, наши знания относительно того, как все это могло соотноситься с реальным временем, крайне ограничены, поэтому предложенные интервалы очень широки, поскольку отражают общую тенденцию с учетом результатов изучения синхронных культур и/или соседних территорий.

Между тем источниковедческий анализ материалов, полученных в ходе полевых работ автора в Среднем Прииртышье², вызывает необходимость их рассмотрения сквозь призму накопленных знаний и уже созданных объяснительных моделей. В результате обобщения разных данных и научного опыта, сложившегося в археологии саргатской культуры, не все новые находки вписываются в культурно-хронологический контекст. Необходимо признать, что имеющиеся в литературе взгляды на динамику культуры обширного лесостепного региона оказались весьма устойчивыми, несмотря на прирост новых материалов, анализируемых в соответствии с требованиями современной археологии. В большей степени приверженность историографической традиции присутствует в датировке культуры и этапов ее развития, а также в характеристике некоторых черт погребального обряда.

Диагностическая триада – сходство домостроительства, керамики и погребального обряда – объединила памятники лесостепной зоны от Барабы до Тоболо-Ишимья. Вариативность, фиксируемая в археологическом материале западных и восточных районов распространения культуры, позволила допустить наличие локальных вариантов. При этом керамика в большей степени, чем

¹ Н. П. Матвеевой собраны радиоуглеродные даты с памятников Притоболья, Пришимья и Барабы (*Матвеева, 2017*). Используемая ею серия радиоуглеродных дат включает 118 единиц, происходящих из поселений и могильников, преимущественно с территории Притоболья, а также могильника Абатский 3 в Пришимье и поселения Чича 1 в Барабе. Результатом проделанной работы стала сводная таблица, внутри которой периоды функционирования памятников рассматриваются в трехчленной структуре (ранний, средний, поздний), предложена незначительная корректировка начального и финального этапов саргатской культуры.

² Искренняя благодарность М. А. Грачеву и всем участникам Западносибирской экспедиции.

погребальный обряд, стала индикатором культурной принадлежности. На исходе XX в. наличие локальных вариантов признавалось всеми исследователями, но отсутствовало внимание к тому, могли ли археологические проявления такой зональности быть обусловленными не только территориально-географическими, но и хронологическими факторами. Иными словами, во всех существующих публикациях облик материальной культуры представлен монолитным на протяжении столетий, а границы этапов, несмотря на разнообразие авторских трактовок, едины в пределах обширной территории от Барабы до Зауралья³. Характеристика культуры предлагалась с акцентом на общие черты, однако источниковая база включала преимущественно материал одного из районов (*Полосьмак*, 1987; *Корякова*, 1988; *Могильников*, 1992; *Матвеева*, 1993; 1994). В то же время еще В. Е. Стоянов допускал, что на западе и востоке процессы становления культуры «протекали в основном самостоятельно и своеобразно», со временем различия между ареалами менялись, обозначив основную тенденцию – от многообразия к относительному однообразию (*Стоянов*, 1970. С. 249–251). Принципиально не оспаривалось степное влияние в происхождении культуры; ключевая роль в истории лесостепного населения отведена Среднему Прииртышью (*Корякова*, 1977. С. 149; *Могильников*, 1981. С. 103).

Первое обобщение материалов зауральско-западносибирских поселений сделано В. Е. Стояновым, который предложил объективно фиксируемые признаки построек, классификацию и картографирование памятников (*Стоянов*, 1970). Известно немногим более 400 городищ и поселений, среди которых изучено раскопками около 10 %, широкими площадями – единично (например, Павлиново городище в Притоболье) (*Среда, культура...*, 2009). Несмотря на стремление дать обновленную характеристику, наблюдение о сохранении основных типов построек на протяжении столетий существования культуры не пересматривалось (*Берлина*, 2010). В результате С. В. Берлиной дана дробная типология жилищ, включающая разновидности форм и глубину сооружений, но не предполагающая возможные пространственно-временные изменения; строительные навыки в контексте многовековой истории населения саргатской культуры остались без должного внимания. Ранее на стабильность традиций домостроительства, обусловленную ландшафтной и хозяйственной спецификой, указывала Л. Н. Корякова (*Корякова*, 1988. С. 136).

Полученная в ходе раскопок поселений и могильников керамика неоднократно становилась предметом изучения как на уровне культуры, так и локальных вариантов, и отдельных памятников. В результате определены морфологические признаки формы и орнамента сосудов, даны характеристика гончарных навыков и стратиграфическая оценка керамических комплексов (*Стоянов*, 1970;

³ Полемизируя с коллегами, Н. П. Матвеева подчеркнула: «...методически неоправданно рассматривать все основные признаки погребального обряда как статичные без учета хронологических и социально значимых вариаций» (*Матвеева*, 1993. С. 141). Впоследствии погребальные памятники рассматривались ею в рамках эволюционной парадигмы (*Матвеева*, 2000. С. 121–192), хотя, как показали современные исследования, линейность развития саргатской социокультурной системы не очевидна (*Шаранова*, 2022. С. 92).

Корякова, 1988; Корякова, Федоров, 1993; Шарпова, 2000; Кобелева, 2009; Проконова, Матвеева, 2025 и др.). Все саргатские сосуды очень узнаваемы – лепные, изготовлены с добавлением органики, шамота, в подавляющем большинстве круглодонные. Между тем в коллекциях разных локальных вариантов известны плоскодонные емкости (и речь не о курильницах и баночных формах). Анализируя традиции формообразования, Л. Н. Корякова отмечала, что плоскодонная посуда более свойственна поселениям, чем могильникам, и в основном встречается в Прииртышье (Корякова, 1988. С. 107). Впрочем, с тех пор прииртышских поселений раскопано незначительно больше⁴, но вот в общекультурной выборке около половины приходится на прииртышские погребения, в то время как вторая половина – это комплексы Барабы, Приишимья и Притоболья вместе взятые (Шарпова, 2022. Табл. 1). Результаты нового изучения керамического комплекса Рафайловского селища легли в основу утверждения о единстве и устойчивости форм изготовления сосудов в Притоболье; к локальным особенностям отнесены некоторые приемы орнаментации и малая доля плоскодонных емкостей (Проконова, Матвеева, 2025. С. 61–62). При этом нет указания о наличии сосудов с плоским дном в слоях и объектах селища и связанного с ним кургана, равно как и одновременность сооружений упоминается (Там же. С. 51–52. Рис. 1–3), но не нашла отражения в выводах.

Анализ доступных материалов из отчетов и публикаций, а также новых прииртышских коллекций позволил сделать немаловажные наблюдения. В Барабе в могильниках Абрамово 4 и Старый Сад, судя по представленным иллюстрациям (Полосьмак, 1987. Рис. 38: 10; 68: 1), есть единичные находки плоскодонных сосудов; к сожалению, в описании керамики и в оценке хронологии такая особенность, как плоское дно, не учтена. Большая часть сосудов таких форм происходит с территории Прииртышья (более тридцати комплексов), значительно меньше находится в Притоболье (четыре комплекса), единично – в Приишимье (подробнее см.: Шарпова, 2022. С. 66). Как правило, плоскодонная посуда изготовлена в соответствии с гончарными навыками лесостепного населения, и саргатская атрибуция не вызывает сомнения (рис. 1: 1–3). В то же время есть образцы (например, Сидоровка, кург. 3, погр. 1; Карасье 9, кург. 11, погр. 2⁵), которые ни по форме, ни по орнаменту не соответствуют местным стандартам (рис. 1: 4, 5).

⁴ Сложное по планировке городище Батаково XIX в левобережье Иртыша исследовано раскопом небольшой площади. Датировка поздним этапом – I–V в. н. э. (Погодин, 1999. С. 60) – не может быть принята безоговорочно.

⁵ В этой связи нельзя принять включение Н. П. Матвеевой плоскодонных сосудов, выполненных в соответствии с местными традициями, но с явным подражанием импортным образцам, из могильника Карасье 9 в категорию керамического импорта в памятниках бакальской культуры IV–IX вв. н. э. (Матвеева и др., 2022. Рис. 25: 7). Такая подача расходится с предложенной авторами культурно-хронологической атрибуцией их же материалов раскопок (Ковригин и др., 2006. С. 196–197. Рис. 5: 4, 5; Шарпова, 2022. С. 66–67, 143–144).

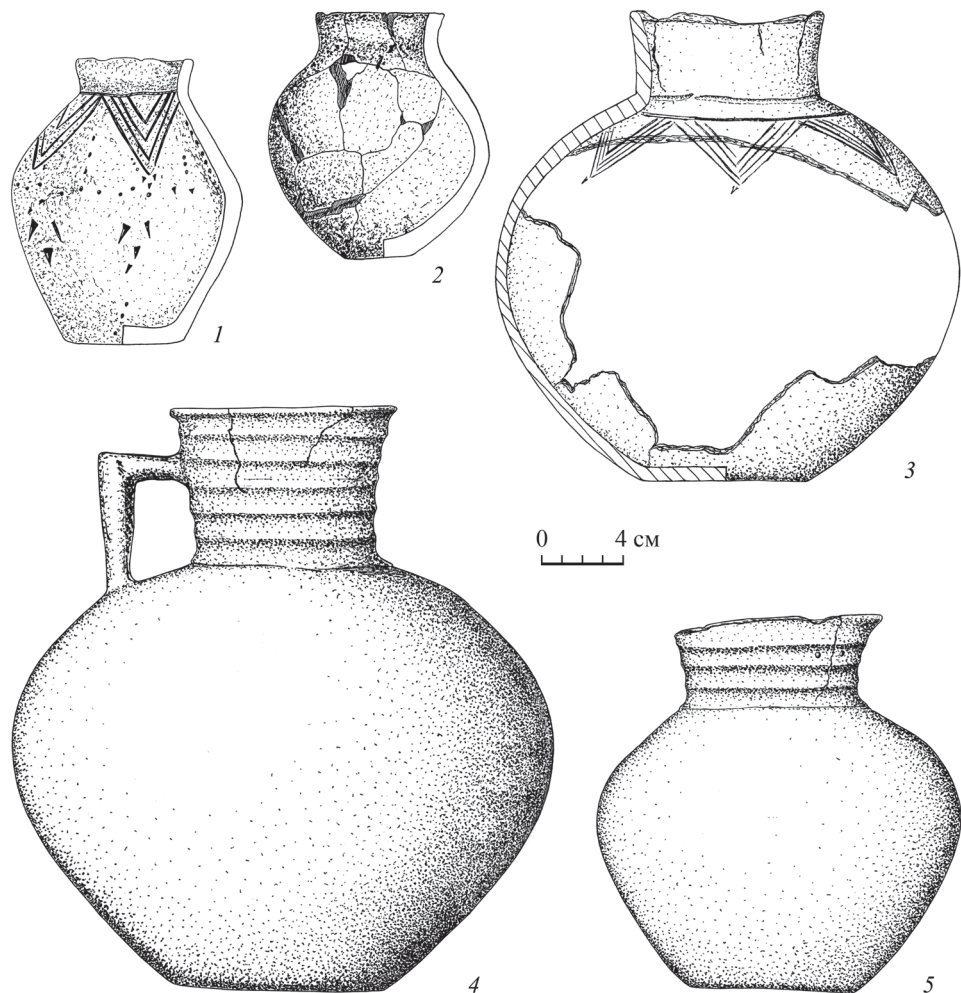

Рис. 1. Плоскодонная керамика

1 – могильник Новопокровка IV, курган 1, погребение 4; 2 – курган Новопокровка X, погребение 4 (по: Шаропова и др., 2024. Рис. 13: 1); 3 – Карасье 9, курган 11, погребение 1; 4, 5 – Карасье 9, курган 11, погребение 2 (по: Шаропова, 2022. Рис. 29: 3–5)

Приведенные примеры могут быть особенно интересны в контексте гончарных традиций древнего населения. Хорошо известно, что приемы формообразования (субстратные навыки) относятся к числу наиболее консервативных, и любое изменение формы свидетельствует о контактах с носителями иных технологических традиций (Бобринский, 1978. С. 242–244). Возможно, из-за небольшого количества саргатская плоскодонная керамика демонстрирует именно эту тенденцию. В этом же ключе может быть интерпретирована и датировка комплексов с плоскодонной керамикой. Возраст большинства объектов

с плоскодонной посудой, установленный исходя из хронологической оценки комплексов, укладывается в интервал от рубежа эр до финала культуры (II–III вв. н. э.). Несмотря на отличия коллекций отдельных памятников, в целом можно заключить, что плоскодонная посуда собственно горшечных форм получает распространение одновременно с кувшинами, параллели которым обнаруживаются все же вне саргатской территории, в частности, в лепной керамике и сосудах-подражаниях керамическим импортам из курганов урало-казахстанских степей (*Боталов, Гуцалов*, 2000. Рис. 9–12), Поволжья (*Скрипкин*, 1990. Рис. 49; 50) и Южного Приуралья (*Малашев, Яблонский*, 2008. Рис. 196). Очень близкие по стилистике экземпляры имеются и среди посуды джетыясарской культуры в Восточном Приаралье (*Левина*, 1992. Табл. 21). В могильнике Сидорова плоскодонный кувшин (*Матющенко, Татаурова*, 1997. Рис. 49), сохраняя формообразующие (шаровидное тулово с узким горлом и отогнутой шейкой) и орнаментальные (поясок резных фестонов) признаки, имеет дугообразную, прямоугольную в сечении ручку, орнаментированную ямками, что, очевидно, можно рассматривать как подражание круговой керамике.

Однако саргатская культура оказывается более сложной системой, нежели фиксируемое сходством керамики образование, если обратиться к данным по погребальному обряду. К устойчивым чертам, характерным для всей саргатской территории, относятся подкурганые захоронения; их ориентировка в северный сектор (отклонения преимущественно связаны с круговым расположением периферийных могил относительно центральной); с керамикой или без нее в сопроводительном инвентаре. Что касается последнего, то разнообразие состава предметов, наряду с трудозатратами на возведение внутри-, над- или околomoгильных конструкций, становилось основой вариантов социальной структуры населения, хронологической оценки и векторов связей (*Корякова*, 1988; 1994; *Матвеева*, 1993; 1994; 2000 и др.). Многие образцы вещевого комплекса находят соответствие в типологическом контексте раннековечвических древностей.

Погребальная площадка кургана окружалась ровиком, но есть примеры без ограждений. Высказанное ранее заключение, что замкнутые ровики более всего свойственны курганам Прииртышья и Притоболья (*Корякова*, 1988. С. 48; 1994. С. 139), может быть дополнено. Так, учет материалов прииртышских могильников, раскопанных в 1980–1990 гг. и позднее, не позволяет связать эту черту с локальным проявлением обрядности, они лишь иллюстрируют вариативность погребальной практики (*Шарпова*, 2022. С. 51–52). Некоторые малые курганы середины I тыс. до н. э. не имели ровиков (например, в могильниках Новопокровка 17, Щучье 1, Карасье 8 и т. д.). Ровики или канавки как устойчивый компонент архитектуры кургана и, вероятно, как некая форма мировоззрения прослеживаются на саргатской территории не ранее IV в. до н. э.⁶ Связывать количество ровиков с размерами кургана (*Полосьмак*, 1987. С. 10–11) не совсем оправданно – их количество не соотносится с параметрами насыпи.

⁶ Наличие ровиков Н. П. Матвеева объясняет сохранением в курганной архитектуре элементов ранней индоевропейской мифологии, трансформированной под влиянием комплекса факторов эпохи раннего железа (*Матвеева*, 2019. С. 81).

Конечно, при совершении впускных захоронений насыпь могла надстраиваться, что приводило к изменению первоначальных высоты и/или площади (рис. 2). Вместе с тем есть примеры, когда стратиграфия и результаты почвенного анализа не фиксируют подновления кургана и увеличения насыпи (оба варианта выявлены автором в новопокровских курганах в Среднем Прииртышье). В ряде случаев также и впускные захоронения могли сопровождаться появлением очередного ровика, таким образом, число ограждений в общей сложности доходило до трех-четырех (рис. 3). Однако мне неизвестны одномогильные курганы с несколькими ровиками.

В некоторых ранних публикациях, посвященных систематизации древностей культуры, отмечалась разница в количестве погребений в саргатских курганах. Указывалось и то, что для меньших по объему курганов характерны одиночные погребения, тогда как более крупным присуща многомогильность (Могильников, 1972. С. 70; Корякова, 1988. С. 130). Курганы с шатровыми (радиальными. – С. Ш.) перекрытиями содержали либо одно основное погребение (например, на Тоболе – Шмаковский, курган 6; Красногорский 1, курган 17), либо явно разновременные (например, на Иртыше – Богдановка 3, курган 1; на Тоболе – Савиновский, курган 6)⁷. И напротив, средние по меркам саргатской культуры курганы Новопокровка X, Новопокровка IV – многомогильные (8 и 12 индивидов соответственно) (Шарапова и др., 2025).

Существует несколько вариантов объяснений разному количеству захоронений в одном кургане: локальные особенности – одномогильные характерны для западного ареала культуры (Стоянов, 1973. С. 49); временные отличия – на раннем этапе преобладали некрополи, состоявшие из большого количества малых одномогильных курганов (Полосьмак, 1987. С. 101; Корякова, 1988. С. 156; 1994. С. 155; Могильников, 1992. С. 299. Табл. 125); семейный или родовой принцип организации кладбищ (Стоянов, 1977. С. 157; Корякова, 1988. С. 155–156; 1994. С. 155; Матвеева, 1993. С. 147–149). При этом формирование кургана подразумевалось как последовательное совершение захоронений от центра к периферии в течение какого-то временного отрезка, отражая социальную градацию социума (Стоянов, 1973. С. 49; Матвеева, 1993. С. 134; Культура зауральских скотоводов..., 1997. С. 136). Это убеждение во многом стало доминирующим, поэтому появились такие полярные группы/страты, как аристократия и зависимое население. Хроностратиграфия и сопряженная с ней планиграфия погребальных комплексов кургана специально не анализировались, хотя определенные суждения высказывались (Матвеева, 1993. С. 153–156; Среда, культура..., 2009. С. 230–232). Полевые наблюдения стали основой

⁷ На уникальность радиальных сооружений для Притоболья указывал еще В. Ф. Геннинг, допуская весьма тесное взаимодействие с отдаленными для региона культурами Южного Урала вплоть до Среднего Подонья (Геннинг, 1993. С. 97–99). Вопрос сходства зауральских, южноуральских и приаральских конструкций Н. П. Матвеева оставила открытым, не исключив при этом этнические различия (Матвеева, 1993. С. 139–141). На востоке саргатского ареала наличие разнотипных бревенчатых перекрытий позволило В. А. Могильникову говорить о существовании местной и пришлой традиций в конструкции погребальных сооружений (Могильников, 1992. С. 299).

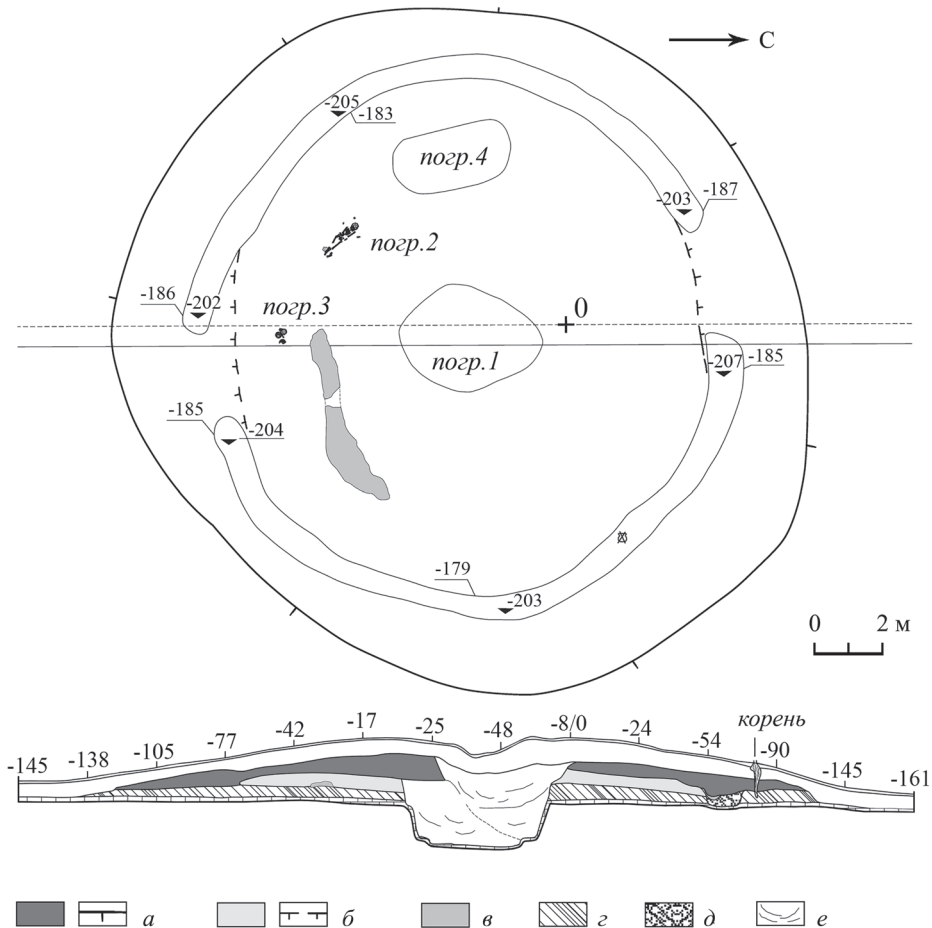

Рис. 2. План и разрез кургана Новопокровка X (по: Шарпова и др., 2024. Рис. 2)

Условные обозначения: а – поздняя насыпь; б – ранняя насыпь; в – переотложенный суглинок; г – погребенная почва; д – серый неоднородный; е – коричневый слоистый

гипотезы, что погребальная площадка некоторое время была открытой, возведение насыпи происходило позднее (Матвеева, 1993. С. 136; Корякова, 1994. С. 140). Аналогичные выводы предложены при сопоставлении результатов абсолютного датирования и планиграфии объектов кургана 51 могильника Усть-Тартасские курганы в Барабе (Мыльникова и др., 2024. С. 64).

Очевидно, что неоднократная разграбленность саргатских курганов затрудняет, но не исключает попытку восстановить последовательность совершения погребений. Так, в ряде случаев зафиксировано (Среда, культура..., 2009. Табл. 8.1; Шарпова и др., 2024), что погребальная камера центральной могилы содержала несколько разновременных захоронений, а хронологические разрывы между основным и впускным объектами могли составлять не одно столетие.

затруднена скудной фиксацией). Между тем такая вероятность не исключена для саргатских комплексов могильника Устюг 1 в Притоболье. Шесть раскопанных курганов содержали разновременные погребения, в том числе впускные, как в центре кургана, так и на периферии. Впускные захоронения датированы по инвентарю и радиоуглеродным методом III–II вв. до н. э., их культурная принадлежность определена по керамике и обряду (Матвеева и др., 2021). В Барабе наличие двух групп погребений в пределах одной подкурганной площадки допускается серией абсолютных дат и байесовского моделирования хронологии захоронений, на основе чего исследованный курган отнесен к III–I вв. до н. э. (Мыльникова и др., 2024). К сожалению, авторы не акцентируют случаи наложения контуров могильных ям как для объектов внутри погребений «первой очереди», так и «второй очереди»; хотя, по их убеждению, «процесс создания комплекса занял, по-видимому, чуть более 100 лет» (Там же. Рис. 7. С. 64).

Примечательно, что даже там, где установлен существенный временной промежуток для разновременных/разноэтапных погребений, в качестве гипотезы (тем не менее не имеющей альтернативы) для обоснования планиграфии захоронений предлагаются социальные различия (Культура зауральских скотоводов..., 1997. С. 136; Мыльникова и др., 2024. С. 64–65). Разделяя мнение о селективном принципе формирования саргатских курганных могильников, все же подчеркну, что и оно не исчерпывает всех возможных вариантов объяснения. Среди иных, заслуживающих внимания гипотез – проблема выделения памятников III в. до н. э. и, как следствие, сложность датировки многих саргатских комплексов либо издержки эволюционной парадигмы, в соответствии с которой выстроена вся хронология культуры.

В этой связи можно допустить, что на рубеже III–II вв. не увеличивается доля многомогильных курганов в лесостепи, а курганы становятся многомогильными. Следуя этой логике, необходимо добавить, что в первые века н. э. в зауральско-западносибирском регионе получают распространение узкие могильные ямы, возрастает количество могил с нишами и канавками. Судя по имеющимся данным, эти погребения впускные (Шарпова, 2022. С. 76). Тогда возникает вполне закономерный вопрос, кто эти люди, которых продолжали хоронить в лесостепных курганах в соответствии с традициями саргатской культуры? С учетом того обстоятельства, что курганный обряд в саргатской среде практиковался для социальной верхушки, особенности какого порядка – социального, этнического или все же хронологического, а может, какого-либо иного – нашли отражение в погребальной практике периода расцвета культуры? Если эти размышления верны, то почему некоторые ранние саргатские одномогильные курганы были трансформированы в широко известные усыпальницы в могильниках Исаковка I и Сидоровка или несколько скромнее типа богдановских курганов? Почему для погребенных там людей не возводились отдельные курганы в соответствии с их статусом, как это было двумя столетиями ранее? Эти вопросы требуют если не полного ответа, то, по крайней мере, попытки разобраться.

Казалось бы, помочь здесь может палеоантропология, тем более что проработанность остеологических коллекций впечатляет – изучены все локальные группы по всем программам. А. Н. Багашевым проведен анализ хронологической изменчивости краниологических серий, в результате которого

выявлено скачкообразное увеличение монголоидности в саргатских популяциях II в. до н. э. – II в. н. э. как по мужским, так и по женским материалам (*Багашиев*, 2000. С. 126–160). Напротив, результаты Д. И. Ражева показали отсутствие статистически значимых различий между хронологическими выборками по краниологическим признакам, что объяснялось им включением в краниологические серии черепов с преднамеренной деформацией (*Ражев*, 2009. С. 164–171). А. В. Слепцова установила преобладание черт западного одонтологического ствола и допустила в III в. до н. э. проникновение сарматских групп Южного Приуралья в лесостепь Западной Сибири, повлиявшее на антропологический состав саргатского населения (*Слепцова*, 2023. С. 17). Новая публикация по Барабе содержит анализ суммарной саргатской краниологической выборки без деления на хронологические этапы. Включение новых находок в барабинскую серию, ее сравнение с известными краниометрическими параметрами позволило заключить, что в ареал саргатской культуры постоянно осуществлялись инфильтрации групп кочевого населения, наиболее интенсивные из юго-западных областей Центральной Азии (*Чикишева*, 2024. С. 146). В какой-то мере этот вывод повторил ранние гипотезы, выдвинутые на археологическом материале (например: *Мошкова, Генинг*, 1972. С. 118; *Корякова*, 1988. С. 139–140 и др.). Совместное рассмотрение данных археологии, палеоантропологии и палеогенетики пока скорее исключение, чем правило. Эта работа проделана для двух археологически синхронных и фактически тождественных как по обряду, так и вещевому комплексу погребений кургана 6 Гаевского могильника в Притоболье, датированных второй половиной II – первой половиной III в. н. э. Выявлено внешнее генетическое влияние для молодого мужчины с деформацией черепа как по Y-хромосоме, так и мтДНК, в то время как у подростка обнаружены генетические маркеры, характерные для населения восточных районов саргатской культуры (*Шарапова и др.*, 2020). Может ли анализ антропологического материала (например, исследование соотношения изотопов стронция ($^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$)) дать информацию на индивидуальном уровне? Или вновь столкнемся с трудностями, которые возникают при попытках интерпретировать единичные случаи в терминах возможного происхождения изучаемых индивидов, и тогда остается прежний путь – строить гипотезы по археологическим данным?

В ходе новых раскопок курганов в Среднем Прииртышье получены материалы, сопоставление которых с существующими схемами приводит к пересмотру некоторых устоявшихся взглядов. Несмотря на то что для сколько-нибудь объективных выводов необходимо большее количество раскопанных памятников, источниковедческий анализ новых данных уже выявляет более сложную картину и ставит новые вопросы, которые требуют если и не полного ответа, то, по крайней мере, внимательного изучения (*Шарапова и др.*, 2023; 2024; 2025; *Грачев и др.*, 2024). Едва ли не главной особенностью саргатской культуры считается ее единство или целостность на протяжении многих столетий. Однако очевидно, что карта распространения саргатских древностей демонстрирует степень изученности, а не плотность расселения лесостепных коллективов. На периферии ареала известны памятники (могильники Покровка, Явленка, Ипкульский), которые отнесены к саргатским, но их культурная атрибуция выстроена по отдельным признакам (обзор см.: *Шарапова*, 2022. С. 95–107).

В то же время «ядро» включает разные локально-хронологические группы, но преимущественно периода расцвета культуры, который определен II в. до н. э. — II в. н. э. и не оспаривается никем. И последнее. Во многих существующих работах за рамками исследований остается отсутствие непрерывности, фиксируемое для горизонтов обитания на поселениях и в хроностратиграфии курганов. Эта непрерывность допускается для керамических традиций в орнаментации и морфологии сосудов, что, возможно, и является основной проблемой. И тогда история населения обширного региона надстраивается различными окончаниями, чтобы замкнуть часто недостающие звенья цепи.

Автор признательна рецензентам, организаторам и участникам семинара за рекомендации в ходе подготовки рукописи и обсуждение.

ЛИТЕРАТУРА

- Багашев А. Н.*, 2000. Палеоантропология Западной Сибири: лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука. 374 с.
- Берлина С. В.*, 2010. Жилая и оборонительная архитектура населения Западносибирской лесостепи в раннем железном веке (по материалам саргатской культуры): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень. 18 с.
- Бобринский А. А.*, 1978. Гончарство Восточной Европы. М.: Наука. 272 с.
- Боталов С. Г., Гуцалов С. Ю.*, 2000. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. Челябинск: Рифей. 267 с.
- Генинг В. Ф.*, 1993. Большие курганы лесостепного Притоболья (IV–II вв. до н. э.) // Кочевники урало-казахстанских степей / Отв. ред. А. Д. Таиров. Екатеринбург: Наука. С. 72–101.
- Грачев М. А., Зимица О. Ю., Приходько Н. В., Шарпова С. В.*, 2024. Курганы саргатской культуры Среднего Прииртышья: новые подходы к оценке социального ландшафта // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23. № 4. С. 53–74.
- Дмитриев П. А.*, 1928. Мысовские стоянки и курганы // ТСА РАНИОН. Т. 4. С. 180–203.
- Кобелева Л. С.*, 2009. Технология изготовления керамики саргатской культуры (восточный ареал): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск. 26 с.
- Коварзин А. А., Корякова Л. Н., Курто П., Ражев Д. И., Шарпова С. В.*, 2006. Аристократические погребения из могильника Карасье 9 // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сб. статей к 70-летию А. Х. Пшеничнюка / Отв. ред. Г. Т. Обыденнова, Н. С. Савельев. Уфа: Гилем. С. 187–203.
- Корякова Л. Н.*, 1977. Ансамбль некрополя саргатской культуры (статистическая характеристика) // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та. С. 134–151.
- Корякова Л. Н.*, 1982. Из истории изучения саргатской культуры // Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та. С. 113–124.
- Корякова Л. Н.*, 1988. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. 240 с.
- Корякова Л. Н.*, 1991. Саргатская культура или общность // Проблемы изучения саргатской культуры / Отв. ред. А. Я. Труфанов. Омск: ОмГУ. С. 3–8.
- Корякова Л. Н.*, 1994. Урало-Иртышская лесостепь // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. Томск: ТГУ. С. 113–169.
- Корякова Л. Н., Федоров Р. О.*, 1993. Гончарные навыки зауральского населения в раннем железном веке (по материалам Ипкульского могильника) // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье / Отв. ред. Л. Н. Корякова. Екатеринбург: Наука. С. 76–96.
- Культура зауральских скотоводов на рубеже эр: Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование / Под ред. Л. Н. Коряковой и М.-И. Дэйр. Екатеринбург: Екатеринбург, 1997. 180 с.

- Левашева В. П.*, 1948. Два сосуда из курганов Омской области // КСИИМК. Вып. XX. С. 86–88.
- Левина Л. М.*, 1992. Памятники джетыясарской культуры середины I тыс. до н. э. // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука. С. 61–72. Табл. 15–25. (Археология СССР)
- Малашев В. Ю., Яблонский Л. Т.*, 2008. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М.: Восточная литература. 365 с.
- Матвеева Н. П.*, 1993. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука. 175 с.
- Матвеева Н. П.*, 1994. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука. 152 с.
- Матвеева Н. П.*, 2000. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. Новосибирск: Наука. 399 с.
- Матвеева Н. П.*, 2017. Радиоуглеродная хронология памятников саргатской культуры (Западная Сибирь) // РА. № 4. С. 3–20.
- Матвеева Н. П.*, 2019. Курганы-пирамиды раннего железного века в западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 47. № 1. С. 73–82.
- Матвеева Н. П., Зыков А. П., Зеленков А. С., Третьяков Е. А., Багашев А. Н., Пошехонова О. Е., Слепченко С. М., Алексеева Е. А., Клима Л., Кулешов В. С.*, 2022. Западная Сибирь в эпоху раннего Средневековья: взаимодействие этнокультурных общностей. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та. 260 с.
- Матвеева Н. П., Проконова М. М., Овчинников И. Ю.*, 2021. О развитии саргатской культуры в Притоболье (по материалам могильника Устюг-1) // ВААЭ. № 1 (52). С. 20–32.
- Матющенко В. И., Татаурова Л. В.*, 1997. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск: Наука. 198 с.
- Могильников В. А.*, 1970. К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири / Отв. ред. В. И. Матющенко. Томск: ТГУ. С. 172–190.
- Могильников В. А.*, 1972. К вопросу о саргатской культуре // Проблемы археологии и древней истории угров / Отв. ред.: А. П. Смирнов, В. Н. Чернецов, И. Ф. Эрдели. М.: Наука. С. 66–86.
- Могильников В. А.*, 1981. Некоторые особенности генезиса культур лесостепи Западной Сибири в раннем железном веке // Вопросы археологии Урала. Вып. 15. Свердловск: Изд-во Уральского гос. ун-та. С. 103–109.
- Могильников В. А.*, 1992. Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука. С. 274–311. Табл. 121–128. (Археология СССР)
- Мошкова М. Г., Генинг В. Ф.*, 1972. Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени / Отв. ред. К. Ф. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР. С. 87–118. (МИА; № 153.)
- Мыльникова Л. Н., Пархомчук Е. В., Молодин В. И., Меньшиков П. Н., Бабина К. А., Ненахов Д. А., Чикишева Т. А.*, 2024. Радиоуглеродная хронология и данные изотопного анализа объектов кургана № 51 могильника Усть-Таргасские курганы в Барабинской лесостепи // АЭАЕ. Т. 52. № 3. С. 56–66.
- Погодин Л. И.*, 1999. Исследование в урочище «Батаково» // Новое в археологии Среднего Прииртышья / Под ред. С. Ф. Татаурова. Омск: Омский гос. пед. ун-т. С. 52–85.
- Полосьмак Н. В.*, 1987. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука. 144 с.
- Проконова М. М., Матвеева Н. П.*, 2025. О локальных особенностях поселений саргатской культуры в Притоболье (по керамическому комплексу Рафайловского селища) // ВААЭ. № 1 (68). С. 50–65.
- Ражев Д. И.*, 2009. Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург: УрО РАН. 492 с.
- Скрипкин А. С.*, 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та. 300 с.
- Слепцова А. В.*, 2023. Антропологический состав населения Западной Сибири раннего железного века по данным одонтологии: саргатская, гороховская и кашинская культуры: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень. 19 с.
- Смирнов К. Ф.*, 1964. Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М.: Наука. 379 с.

- Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н. э. (по материалам Павлиновского археологического комплекса) / Отв. ред. Л. Н. Корякова. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2009. 298 с.
- Стоянов В. Е., 1970. Классификация и периодизация лесостепных памятников раннего железного века // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири / Отв. ред. В. И. Матюшенко. Томск: ТГУ. С. 238–253.
- Стоянов В. Е., 1973. О могильниках зауральско-западносибирской лесостепи (ранний железный век) // ВАН. Вып. 12. С. 44–57.
- Стоянов В. Е., 1977. Некоторые черты социально-экономической организации древнего населения зауральско-западносибирской лесостепи (ранний железный век) // Вопросы археологии Урала. Вып. 14. Свердловск: Уральский гос. ун-т. С. 44–57.
- Чернецов В. Н., 1953. Усть-Полуйское время в Приобье // Древняя история Нижнего Приобья / Под ред. А. В. Збруевой. М.: Изд-во АН СССР. С. 221–241. (МИА; № 35.)
- Чикишева Т. А., 2024. Особенности антропологического состава носителей саргатской культуры Барабинской лесостепи // АЭАЕ. Т. 52. № 3. С. 136–147.
- Шарапова С. В., 2000. Керамика раннего железного века лесостепного Зауралья (опыт статистического анализа): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск. 27 с.
- Шарапова С. В., 2022. Древности раннего железного века Зауралья и Западной Сибири. Екатеринбург: Уральский рабочий. 208 с.
- Шарапова С. В., Бачура О. П., Грачев М. А., Каранетян М. К., Киселева Д. В., Косинцев П. А., Костомаров В. М., Окунева Т. Г., Шагалов Е. С., Якимов А. С., 2023. Информационный потенциал разрушенных погребений саргатской культуры: курган Новопокровка 16 в Среднем Прииртышье // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22. № 2. С. 65–96.
- Шарапова С. В., Грачев М. А., Каранетян М. К., Косинцев П. А., Перевозчикова А. А., Якимов А. С., 2025. «Курганы-кладбища» в саргатской культуре // XXIII Уральское археологическое совещание: мат-лы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Оренбург, 14–18 апреля 2025 г.: в 2 т. / Отв. ред. А. А. Евгеньев. Т. 2. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 57–61.
- Шарапова С. В., Грачев М. А., Косинцев П. А., Перевозчикова А. А., Пименов В. Е., Якимов А. С., 2024. Междисциплинарные исследования кургана Новопокровка X (Среднее Прииртышье) // Мультидисциплинарные исследования в археологии. Т. 7. № 2. С. 121–158.
- Шарапова С. В., Пилипенко А. С., Ражев Д. И., Трапезов Р. О., Черданцев С. В., 2020. Два мужских погребения из кургана саргатской культуры: биоархеологический и палеогенетический обзор // SP. № 3. С. 353–378.

Сведения об авторе

Шарапова Светлана Владимировна, Институт истории и археологии УрО РАН, ул. С. Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620108, Россия; e-mail: svetlanasharapova01@mail.ru

S. V. Sharapova

THE SARGAT CULTURE:
BETWEEN ARCHAEOLOGICAL EVIDENCE
AND HISTORIOGRAPHICAL TRADITION

Abstract. Researchers consider unity or cohesion throughout many centuries to be a key feature of the Sargat culture. However, the distribution map of the Sargat antiquities reflects our level of knowledge about this culture rather than the density of forest-steppe population dispersal. Besides, the sites on the periphery of its area have been ascribed to the Sargat culture based on specific features, whereas the ‘core’ includes different local chronological groups. Proposed hypotheses (cultural dynamics, center of cultural genesis,

community) are not sufficient to explain this phenomenon because of a lack of continuity recorded both in the habitation horizons at the settlements and in the chronostratigraphy of the kurgans remains outside this explanation perimeter. New materials and their analysis using existing collections actualize the review of the Sargat development model and its spatial and chronological characteristics.

Keywords: Early Iron Age, Sargat culture, funerary rite, chronological stratigraphy, flat-bottom pottery.

REFERENCES

- Bagashev A. N., 2000. Paleoantropologiya Zapadnoy Sibiri: lesostep' v epokhu rannego zheleza [Paleoanthropology of West Siberia: forest steppe in Early Iron Age]. Novosibirsk: Nauka. 374 p.
- Berlina S. V., 2010. Zhilaya i oboronitel'naya arkhitektura naseleniya Zapadnosibirskoy lesostepi v rannem zheleznom veke (po materialam sargatskoy kul'tury): avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Residential and defensive architecture of population of West Siberian forest-steppe in Early Iron Age (based on materials of Sargat culture): PhD Thesis]. Tyumen'. 18 p.
- Bobrinskiy A. A., 1978. Goncharstvo Vostochnoy Evropy [Pottery-making of Eastern Europe]. Moscow: Nauka. 272 p.
- Botalov S. G., Gutsalov S. Yu., 2000. Gunno-sarmaty uralo-kazakhstanskikh stepey [Hunno-Sarmatians of Ural-Kazakhstan steppes]. Chelyabinsk: Rifey. 267 p.
- Chernetsov V. N., 1953. Ust'-Poluyskoe vremya v Priob'e [Ust'-Poluy period in Ob basin]. *Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya* [Ancient history of Lower Ob region]. A. V. Zbrueva, ed. Moscow: AN SSSR, pp. 221–241. (MIA, 35.)
- Chikisheva T. A., 2024. Osobennosti antropologicheskogo sostava nositeley sargatskoy kultury Barabinskoy lesostepi [Features of anthropological structure of Sargat culture in Baraba forest-steppe]. *AEAE*, vol. 52, no. 3, pp. 136–147.
- Dmitriev P. A., 1928. Mysovskie stoyanki i kurgany [Mysovskie sites and kurgans]. *TSA RANION*, 4, pp. 180–203.
- Gening V. F., 1993. Bol'shie kurgany lesostepnogo Pritobol'ya (IV–II vv. do n. e.) [Big kurgans of Tobol forest-steppe region (IV–II cc. BC)]. *Kochevniki uralo-kazakhstanskikh stepey* [Nomads of Ural-Kazakhstan steppes]. A. D. Tairov, ed. Ekaterinburg: Nauka, pp. 72–101.
- Grachev M. A., Zimina O. Yu., Prihod'ko N. V., Sharapova S. V., 2024. Kurgany sargatskoy kultury Srednego Priirtyshya: novye podkhody k otsenke sotsialnogo landshafta [Sargat culture kurgans in Middle Irtysh region: new approaches to assessment of social landscape]. *NAV*, 23, no. 4, pp. 53–74.
- Kobeleva L. S., 2009. Tekhnologiya izgotovleniya keramiki sargatskoy kultury (vostochnyy areal) [Production technology of Sargat culture ceramics: PhD Thesis]. Novosibirsk. 26 p.
- Koryakova L. N., 1977. Ansambly nekropol'ov sargatskoy kultury (statisticheskaya kharakteristika) [Sargat culture necropolis ensemble (statistical characteristic)]. *Arkheologicheskie issledovaniya na Urale i v Zapadnoy Sibiri* [Archaeological research in Urals and West Siberia]. Sverdlovsk: Uralskiy universitet, pp. 134–151.
- Koryakova L. N., 1982. Iz istorii izucheniya sargatskoy kultury [From the history of study of Sargat culture]. *Arkheologicheskie issledovaniya Severa Evrazii* [Archaeological research in the North of Eurasia]. Sverdlovsk: Uralskiy universitet, pp. 113–124.
- Koryakova L. N., 1988. Ranniye zheleznyye veka Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri (sargatskaya kul'tura) [Early Iron Age of Trans-Urals and West Siberia (Sargat culture)]. Sverdlovsk: Uralskiy universitet. 240 p.
- Koryakova L. N., 1991. Sargatskaya kultura ili obshchnost' [Sargat culture or entity]. *Problemy izucheniya sargatskoy kultury* [Problems of studying Sargat culture]. A. Ya. Trufanov, ed. Omsk: OmGU, pp. 3–8.
- Koryakova L. N., 1994. Uralo-Irtyshskaya lesostep' [Ural-Irtysh forest-steppe]. *Ocherki kulturogeneza narodov Zapadnoy Sibiri* [Essays on cultural genesis of peoples of West Siberia], 2. Mir realnyy i potustoronniy [The world – real and other]. Tomsk: TGU, pp. 113–169.

- Koryakova L. N., Fedorov R. O., 1993. Goncharynye navyki zauralskogo naseleniya v rannem zheleznom veke (po materialam Ipkul'skogo mogilnika) [Pottery-making skills of Trans-Ural population in Early Iron Age (based on materials from Ipkul cemetery)]. *Znaniya i navyki uralskogo naseleniya v drevnosti i srednevekov'e* [Knowledge and skills of Ural population in antiquity and Middle Ages]. L. N. Koryakova, ed. Ekaterinburg: Nauka, pp. 76–96.
- Kovrigin A. A., Koryakova L. N., Kurto P., Razhev D. I., Sharapova S. V., 2006. Aristokraticheskie pogrebeniya iz mogilnika Karasye 9 [Aristocratic burials from Karasye 9 cemetery]. *Yuzhnyy Ural i sopredelnye territorii v skifo-sarmatskoe vremya: Sb. statey k 70-letiyu A. Kh. Pshenichnyuka* [South Urals and adjacent territories in Scythian-Sarmatian time. Collected articles to 70th anniversary of A. Kh. Pshenichnyuk]. G. T. Obydenova, N. S. Savelyev, eds. Ufa: Gilem, pp. 187–203.
- Kultura zauralskikh skotovodov na rubezhe er: Gaevskiy mogilnik sargatskoy obshchnosti: antropologicheskoe issledovanie [Culture of Trans-Ural pastoralists at the turn of the Eras: Gaevskiy cemetery of Sargat community: anthropological study]. L. N. Koryakova, M.-I. Deyr, eds. Ekaterinburg: Ekaterinburg, 1997. 180 p.
- Levasheva V. P., 1948. Dva sosuda iz kurganov Omskoy oblasti [Two vessels from kurgans in Omsk region]. *KSIIMK*, XX, pp. 86–88.
- Levina L. M., 1992. Pamyatniki djetyasarskoy kultury serediny I tys. do n. e. [Sites of Djetyasar culture of mid I mill. BC]. *Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [Steppe belt of Asian part of the USSR in Scythian-Sarmatian period]. M. G. Moshkova, ed. Moscow: Nauka, pp. 61–72, tabl. 15–25. (Arkheologiya SSSR.)
- Malashev V. Yu., Yablonskiy L. T., 2008. Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priural'ya v pozdnesarmatskoe vremya: po materialam mogilnika Pokrovka 10 [Steppe population of Southern Urals in Late Sarmatian period: based on materials from Pokrovka 10 cemetery]. Moscow: Vostochnaya literatura. 365 p.
- Matveeva N. P., 1993. Sargatskaya kultura na Srednem Tobole [Sargat culture on Middle Tobol region]. Novosibirsk: Nauka. 175 p.
- Matveeva N. P., 1994. Ranniy zheleznyy vek Priishim'ya [Early Iron Age of Ishim region]. Novosibirsk: Nauka. 152 p.
- Matveeva N. P., 2000. Sotsialno-ekonomicheskie struktury naseleniya Zapadnoy Sibiri v rannem zheleznom veke [Socio-economic structures of population of West Siberia in Early Iron Age]. Novosibirsk: Nauka. 399 p.
- Matveeva N. P., 2017. Radiouglerodnaya khronologiya pamyatnikov sargatskoy kultury (Zapadnaya Sibir') [Radiocarbon chronology of Sargat culture sites (West Siberia)]. *RA*, 4, pp. 3–20.
- Matveeva N. P., 2019. Kurgany-piramidy rannego zheleznoogo veka v zapadnoy Sibiri [Early Iron Age kurgans-pyramids in West Siberia]. *AЭАЕ*, 47, no. 1, pp. 73 – 82.
- Matveeva N. P., Prokonova M. M., Ovchinnikov I. Yu., 2021. O razvitiy sargatskoy kultury v Pritobol'e (po materialam mogilnika Ustyug-1) [On development of Sargat culture in Tobol region (based on materials from Ustyug-1 cemetery)]. *VAAE*, 1 (52), pp. 20–32.
- Matveeva N. P., Zykov A. P., Zelenkov A. S., Tretyakov E. A., Bagashev A. N., Poshekhonova E. E., Slepchenko S. M., Alekseeva E. A., Klima L., Kuleshov V. S., 2022. Zapadnaya Sibir v epokhu rannego Srednevekovya: vzaimodeystvie kulturnykh obshchnostey [Western Siberia in Early Middle Ages: interaction of ethnocultural communities]. Tuymen: Tymenskiy universitet. 260 p.
- Matyushchenko V. I., Tataurova L. V., 1997. Mogilnik Sidorovka v Omskom Priirtysh'e [Sidorovka cemetery in Omsk Irtysh region]. Novosibirsk: Nauka. 198 p.
- Mogilnikov V. A., 1970. K voprosu ob etnokulturnykh arealakh Srednego Priirtysh'ya i Priob'ya epokhi rannego zheleza [On ethnocultural areas of Middle Irtysh and Ob regions in Early Iron Age]. *Problemy khronologii i kulturnoy prinadlezhnosti arkheologicheskikh pamyatnikov Zapadnoy Sibiri* [Issues of chronology and cultural attribution of archaeological sites of West Siberia]. V. I. Matyushchenko, ed. Tomsk: TGU, pp. 172–190.
- Mogilnikov V. A., 1972. K voprosu o sargatskoy kulture [On Sargat culture]. *Problemy arkheologii i drevney istorii ugrov* [Problems of archaeology and ancient history of the Ugrians]. A. P. Smirnov, V. N. Chernetsov, I. F. Erdeli, eds. Moscow: Nauka, pp. 66–86.
- Mogilnikov V. A., 1981. Nekotorye osobennosti genezisa kultur lesostepi Zapadnoy Sibiri v rannem zheleznom veke [Some features of genesis of cultures in forest-steppe of West Siberia in Early Iron Age]. *VAU*, 15, pp. 103–109.

- Mogilnikov V. A., 1992. Lesostep' Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri [Forest-steppe of Trans-Urals and West Siberia]. *Stepnaya polosaya Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [Steppe belt of Asian part of the USSR in Scythian-Sarmatian period]*. M. G. Moshkova, ed. Moscow: Nauka, pp. 274–311, tabl. 121–128. (Arkheologiya SSSR.)
- Moshkova M. G., Gening V. F., 1972. Abatskie kurgany i ikh mesto sredi lesostepnykh kultur Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri [Abat kurgans and their place among forest-steppe cultures of Trans-Urals and West Siberia]. *Pamyatniki Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnoy Sibiri sarmatskogo vremeni [Sites of Southern Urals and West Siberia of Sarmatian period]*. K. F. Smirnov, ed. Moscow: AN SSSR, pp. 87–118. (MIA, 153.)
- Mylnikova L. N., Parkhomchuk E. V., Molodin V. I., Men'shanov P. N., Babina K. A., Nenakhov D. A., Chikisheva T. A., 2024. Radiouglerodnaya khronologiya i dannye izotopnogo analiza ob'ektov kurgana № 51 mogilnika Ust'-Tartasskie kurgany v Barabinskoy lesostepi [Radiocarbon chronology and isotope analysis data of objects of kurgan No. 51 of Ust'-Tartas kurgans in Baraba forest-steppe]. *AEAE*, vol. 52, no. 3, pp. 56–66.
- Pogodin L. I., 1999. Issledovanie v urochishche «Batakovo» [Research in «Batakovo» locality]. *Novoe v arkheologii Srednego Priirtysh'ya [New in archeology of Middle Irtysh region]*. S. F. Tataurov, ed. Omsk: Omskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 52–85.
- Polos'mak N. V., 1987. Baraba v epokhu rannego zheleza [Baraba in epoch of early iron]. Novosibirsk: Nauka. 144 p.
- Prokonova M. M., Matveeva N. P., 2025. O lokalnykh osobennostyakh poseleniy sargatskoy kultury v Pritobol'e (po keramicheskomu kompleksu Rafaylovskogo selishcha) [On local features of Sargat culture settlements in Tobol region (based on ceramic assemblage of Rafailovo settlement)]. *VAAE*, 1 (68), pp. 50–65.
- Razhev D. I., 2009. Bioantropologiya naseleniya sargatskoy obshchnosti [Bioanthropology of Sargat community population]. Ekaterinburg: UrO RAN. 492 p.
- Sharapova S. V., 2000. Keramika rannego zhelezhnogo veka lesostepnogo Zaural'ya (opyt statisticheskogo analiza): avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Early Iron Age ceramics from forest-steppe Trans-Urals (experience of statistical analysis): PhD Thesis]. Izhevsk. 27 p.
- Sharapova S. V., 2022. Drevnosti rannego zhelezhnogo veka Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri [Antiquities of the Early Iron Age from Trans-Urals and West Siberia]. Ekaterinburg: Uralskiy rabochiy. 208 p.
- Sharapova S. V., Bachura O. P., Grachev M. A., Karapetyan M. K., Kiseleva D. V., Kosintsev P. A., Kostomarov V. M., Okuneva T. G., Shagalov E. S., Yakimov A. S., 2023. Informatsionnyy potentsial razrushennykh pogrebeniy sargatskoy kultury: kurgan Novopokrovka 16 v Srednem Priirtyshye [Information potential of destroyed burials of Sargat culture: kurgan Novopokrovka 16 in Middle Irtysh region]. *NAV*, 22, no. 2, pp. 65–96.
- Sharapova S. V., Grachev M. A., Karapetyan M. K., Kosintsev P. A., Perevozchikova A. A., Yakimov A. S., 2025. «Kurgany-kladbishcha» v sargatskoy kulture [«Kurgans-cemeteries» in Sargat culture]. *Arkheologiya Urala na puti mezhdistsiplinnykh issledovaniy v XXI veke: XXIII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie [Ural Archaeology on the path of interdisciplinary research in XXI century: XXIII Ural archaeological meeting]*. Orenburg: OGPU, pp. 57–61.
- Sharapova S. V., Grachev M. A., Kosintsev P. A., Perevozchikova A. A., Pimenov V. E., Yakimov A. S., 2024. Mezhdistsiplinarnye issledovaniya kurgana Novopokrovka X (Srednee Priirtysh'e) [Interdisciplinary research of Novopokrovka X kurgan (Middle Irtysh region)]. *Multidistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii [Multidisciplinary research in archaeology]*, vol. 7, no. 2, pp. 121–158.
- Sharapova S. V., Pilipenko A. S., Razhev D. I., Trapezev R. O., Cherdantsev S. V., 2020. Dva muzhskikh pogrebeniya iz kurgana sargatskoy kultury: bioarkheologicheskiy i paleogeneticheskiy obzor [Two male burials from Sargat culture kurgan: bioarchaeological and paleogenetic review]. *SP*, 3, pp. 353–378.
- Skripkin A. S., 1990. Aziatskaya Sarmatiya. Problemy khronologii i ee istoricheskiy aspekt [Asiatic Sarmatia. Issues of chronology and its historical aspect]. Saratov: Saratovskiy universitet. 300 p.
- Sleptsova A. V., 2023. Antropologicheskiy sostav naseleniya Zapadnoy Sibiri rannego zhelezhnogo veka po dannym odontologii: sargatskaya, gorokhovskaya i kashinskaya kultury: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Anthropological structure of population of West Siberia in Early Iron Age according to odontology: Sargat, Gorokhovskaya and Kashinskaya cultures: PhD Thesis]. Tyumen'. 19 p.

- Smirnov K. F., 1964. Savromaty (rannyya istoriya i kultura sarmatov) [Sauromatians (early history and culture of Sarmatians)]. Moscow: Nauka. 379 p.
- Sreda, kultura i obshchestvo lesostepnogo Zaural'ya vo vtoroy polovine I tys. do n. e. (po materialam Pavlinovskogo arkhelogicheskogo kompleksa) [Environment, culture and society of forest-steppe Trans-Urals in the second half of I mill. BC (based on materials from Pavlinovo archaeological complex)]. L. N. Koryakova, ed. Ekaterinburg; Surgut: Magellan, 2009. 298 p.
- Stoyanov V. E., 1970. Klassifikatsiya i periodizatsiya lesostepnykh pamyatnikov rannego zheleznogo veka [Classification and periodization of Early Iron Age forest-steppe sites]. *Problemy khronologii i kulturnoy prinaldzhnosti arkheologicheskikh pamyatnikov Zapadnoy Sibiri* [Issues of chronology and cultural attribution of archaeological sites of West Siberia]. V. I. Matyushchenko, ed. Tomsk: TGU, pp. 238–253.
- Stoyanov V. E., 1973. O mogil'nikakh zaural'sko-zapadnosibirskoy lesostepi (ranniy zheleznyy vek) [On cemeteries of Trans-Ural – West Siberian forest-steppe (Early Iron Age)]. *VAU*, 12, pp. 44–57.
- Stoyanov V. E., 1977. Nekotorye cherty sotsialno-ekonomicheskoy organizatsii drevnego naseleniya zauralsko-zapadnosibirskoy lesostepi (ranniy zheleznyy vek) [Some features of socio-economic organization of ancient population of the Trans-Ural – West Siberian forest-steppe (Early Iron Age)]. *VAU*, 14, pp. 44–57.

About the author

Sharapova Svetlana V., Institute of History and Archaeology Ural Branch of Russian Academy of Sciences, ul. S. Kovalevskoy, 16, Ekaterinburg, 620108, Russian Federation; e-mail: svetlanasharapova01@mail.ru